

ОТЗЫВЫ О БЕЛИНСКОМ В «LA REVUE INDÉPENDANTE»

Статья Л. Ланского

Радикальный французский журнал «La revue indépendante» («Независимое обозрение»), основанный в Париже в 1841 г. Пьером Леру, Жорж Санд и Луи Виардо, значительной частью успеха, как в самой Франции, так и за границей, был обязан своему критико-библиографическому отделу. Журнал уделял много внимания рецензированию произведений социалистической литературы, а также других книг и статей по вопросам политики, истории и философии. Не ограничиваясь разбором французских изданий, редакция с марта 1847 г. завела раздел — «Перечень основных публикаций на разных европейских языках», в котором освещалась умственная жизнь других европейских народов. В этом разделе время от времени появлялись отчеты о произведениях русской научной мысли и литературы, причем справки об авторах этих произведений ограничивались, как правило, био-библиографическими данными, что не было простой случайностью. В отзыве на «Обыкновенную историю» Гончарова редакция «La revue indépendante» писала: «К сожалению, мы вынуждены ограничиваться лишь сообщением названий работ современных русских авторов. Эти авторы живы, они находятся в России, и было бы неосторожно с нашей стороны подвергать рассмотрению их тенденции» (1847, т. IX, № 2, стр. 317).

Изучение отзывов о русской литературе, опубликованных в «La revue indépendante», дает возможность предположить, что основную информацию об умственной жизни России журнал получал от И. С. Тургенева, тесно связанного с Луи Виардо, и, вероятно, от А. И. Герцена, сразу же по переезде в Париж сблизившегося с французскими радикальными кругами, выразителем которых было «La revue indépendante». Нельзя не отметить, что Герцену посвящено наибольшее число заметок в библиографическом перечне журнала: отчеты о «Письмах об изучении природы» (т. VIII, № 4), «Дилетантизме в науке» (т. IX, № 1) и о повести «Кто виноват?» (т. IX, № 2). В последнем отзыве рецензент писал:

«Мы уже неоднократно имели случай упоминать о произведениях этого остроумного писателя <...> Предшествующие произведения показали нам, что талант автора оказался не ниже его намерений. Нет сомнения, что это направление принесет большую пользу моральному состоянию России».

В том же номере, где редакция оговаривала свою вынужденную сдержанность по отношению к политической характеристике русских писателей, находившихся в оппозиции к существовавшему в России режиму, нам удалось обнаружить упоминание о Белинском. Это первое, насколько нам известно, упоминание о великом критике во французской периодической печати¹. Давая отчет о сборнике стихотворений А. В. Кольцова, вышедшем незадолго до того в Петербурге под редакцией Белинского и с его же биографическим очерком, рецензент «La revue indépendante»

писал: «Со времен Пушкина и Лермонтова*, стихотворения Кольцова, несомненно, являются наивысшим проявлением русского поэтического гения. Кольцов был простым крестьянином, и всем своим воодушевлением он обязан тому естественному вдохновению, которым мы восхищаемся в народных песнях. Он умер в самом цветущем возрасте, и это позволяет нам сказать, нисколько его этим не унижая, что его творения дышат той дикой энергией и мрачной грустью, которые являются следствием сильной и чувствительной природы, угнетаемой тиранией. Именно личность Кольцова нам показывает, что в России есть народ и что из недр этого народа может выйти в один прекрасный день некий Спартак. Г-н Белинский, русский литератор, сопровождал песни крестьянского поэта биографическим очерком, равно как и оценкой его сочинений» (стр. 285).

Важно отметить, что революционный вывод, сделанный в этом отзыве рецензентом «La revue indépendante», самым естественным образом вытекает из содержания очерка Белинского, не имевшего возможности в условиях цензурной печати открыто высказать свою мысль.

В первой июньской книжке «La revue indépendante» за 1847 г. мы снова встречаем упоминание о Белинском, на этот раз гораздо более выразительное.

Разбирая помещенную в первом номере «Современника» за 1847 г. известную статью К. Д. Кавелина «Юридический быт древней России», рецензент пишет: «Г-н Кавелин, автор этой книги, принадлежит к той новой исторической школе, которая, в последнее время, стала во главе литературы и прогресса в России. Этот исследовательский труд, выполненный с редкой ясностью, делает честь новой школе, которая насчитывает уже в своих рядах таких выдающихся писателей (des litterateurs aussi distingués), как гг. Белинский и Грановский»².

Отзыв этот, как и первый, оставшийся неизвестным исследователям Белинского, не прошел незамеченным в русской печати 1840-х годов и вызвал в ней довольно резкую полемику.

В № 170 «Северной пчелы» от 29 июля 1847 г., в своем фельетоне «Смесь» Ф. Б(улгарин) перепечатал этот отзыв, снабдив его издевательским комментарием. «Некоторые иностранные журналы, — писал он, — сообщают в с е м и р н у ю библиографию, не забывая о России. Как верны эти известия, можете судить по прилагаемому образцу. Вот что напечатано в „Revue indépendante“, 10 juin, 1847, стр. 349». Приводя далее полностью по-французски и в русском переводе уже цитированный нами отзыв «La revue indépendante» о работе Кавелина, Булгарин продолжает:

«Любопытно было бы знать, кто сообщает эти в е р н ы е известия во французские журналы! Но если это только мистификация, то должно сознаться, что шутка забавная. Книжки под заглавием „Юридический быт древней России“ мы до сих пор не видали, хотя она, может быть, и существует, а о н о в о й исторической школе, стоящей во главе русской литературы и п р о г р е с с а, даже не слышали, да и сомневаемся, чтоб у нас были люди, почитающие себя предводителями литературы и п р о г р е с с а. Что же касается до гг. Белинского и Грановского, litterateurs aussi distingués, то вероятно они написали что-либо важное и замечательное по-французски, потому что в русской литературе не существует их трудов, которые бы могли им доставить такое громкое п р и л а г а т е л ь н о е. Верьте после этого иностранным известиям о России!»

Наглая выходка Булгарина не осталась без ответа. 1 августа вышла

* В журнале опечатка: «Lemonosoff».

очередная, восьмая книжка «Современника», подготовленная к печати уже в отсутствие Белинского, находившегося на излечении за границей. В отделе «Смесь» (стр. 129) редакция поместила следующую едкую заметку: «В одной книжке „La revue indépendante“ (10 juin 1847, стр. 349) напечатано известие о статье г. Кавелина „Юридический быт древней России“, где ошибкой сказано, что статья эта напечатана о т д е л ь н о й к н и ж к о й. Далее в известии говорится, что статья эта исполнена с редкой ясностью и что г. Кавелин принадлежит к новой исторической школе; здесь же упомянуты имена гг. Грановского и Белинского, как замечательных деятелей нового литературного движения... Пользуясь ошибкой французского журнала (ошибкой очень невинной — в сравнении с теми нелепостями, которые сплошь и рядом печатаются за границей о России и русской литературе), г. Ф. Б. в 170 № „Сев. пчелы“ с торжеством объявляет, что он не видал статьи под названием „Юридический быт древней России“ и что вероятно гг. Белинский и Грановский написали что-либо важное и замечательное на французском языке... Если б г. Ф. Б. уdstаивал иногда заглядывать в нашу современную литературу, то, поправляя французский журнал, не впал бы сам в грубую и странную, если не произвольную ошибку: по крайней мере не сознался бы что не видал статьи „Юридический быт древней России“, потому что статья эта не далее осьми месяцев назад тому напечатана в „Современнике“ („Совр.“, № 1, отд. II) и не удивился бы, что на нее обращено внимание даже за границей.

Если г. Ф. Б. не замечает, что профессора московского университета гг. Кавелин и Соловьев действительно начинают в русской исторической литературе новую школу, и что статья „Юридический быт“ есть именно одна из тех, в которых особенно ярко выразился новый взгляд на события русской истории,— то конечно это уже вина не г. Кавелина. Что же касается до гг. Белинского и Грановского, то мы достоверно знаем, что на французском языке они не писали; но труды их на русском языке известны всей образованной и современной русской публике. Теперь уже не тайна, что написал Белинский в продолжение осмилетнего сотрудничества в одном известном журнале, которому своими трудами он придал направление и вес в публике и доверие. На публичные лекции г. Грановского стекалась вся образованная московская публика... Если вы не знаете или не хотите знать всего этого,— вам же стыдно! Но мы нисколько не намерены входить в спор с г. Ф. Б. о значительности или незначительности трудов гг. Кавелина, Грановского и Белинского. Мы только указали на выходку Ф. Б. как на замечательный в своем роде факт. Все дело вот в чем: г. Ф. Б. некогда также занимался историческими трудами, но об этих трудах французские журналы ни слова,— между тем один из них отозвался с похвалой о труде г. Кавелина, который несколько лет назад не был еще известен даже и русской публике... Как же не досадовать на французский журнал, не уважающий старых заслуженных русских литераторов и не обращающий внимания на их двадцатипятилетнюю деятельность, ознаменованную примерным бескорыстием, беспредельною любовью к правде?... Мы совершенно понимаем положение г. Ф. Б. и причину его негодования против французского журнала!»

Автором этой заметки, по всей вероятности, был И. И. Панаев, постоянный фельетонист «Современника», или же Н. А. Некрасов, публицистические работы которого в «Современнике» до сих пор выявлены только частично.

Полемика, однако, на этом не закончилась. Получив энергичную отповедь, сам Булгарин не счел возможным снова выступить от своего имени и поручил своему подручному фельетонисту Я. Я. Я. (Л. В. Бранту) отшутиться, оставив за «Северной пчелой» последнее слово. В очередном

фельетоне, разбирая содержание августовских номеров петербургских журналов, Брант, как будто между прочим, бросает следующую фразу: «„Современник“ вступает за гг. Грановского и Белинского, именуя их „замечательными деятелями нового литературного движения“, прославившимися за границу, ибо в своем городе, по пословице, „никто пророком не бывает“, новое литературное движение, когда словесность наша давно уже ни с места! Подобными громкими фразами и выходками против авторитетов, всеми признанных, натуральная школа думает прикрыть собственную пустоту и бесталанность своих представителей <...> „Современник“ снял личину и теперь представляет второй экземпляр „Отеч. записок“. Яблоко не далеко падает от яблони, а это все яблоки с одного дерева» («Северная пчела», № 179 от 9 августа 1847 г.). На отзыв о Белинском, как «замечательном деятеле нового литературного движения», иронически ссылается Брант и в другом своем фельетоне — в «Северной пчеле» от 16 августа 1847 г.

Таким образом, справедливая оценка Белинского авторитетным органом европейской революционной и социалистической интеллигенции вызвала нескрываемое озлобление в лагере реакции и явное удовлетворение среди передовой, демократической части русского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Неполную сводку позднейших (уже не прижизненных) упоминаний о Белинском во французской литературе — см. в «Критических заметках» Ф. Я. Прийма: «Белинский во французской литературе». — сб. Ленингр. гос. ун-та «Белинский. Статьи и материалы», Л., 1949, стр. 247—255.

² Подобно многим, даже и русским своим современникам, анонимный автор рецензии в «La revue indépendante» «объединяет» в одной группе идейных руководителей «новой школы», вставшей во главе литературы и прогресса в России, революционного демократа Белинского и либерала Грановского (а также Кавелина). Ошибочность такого близорукого, исторически не оправданного освещения русской идейной жизни сороковых годов совершенно очевидна для современного читателя.